
ИДЕНТИЧНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

А.В. Шабага

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются вопросы социального статуса исторического субъекта с точки зрения его идентичности. В связи с этим затрагивается тема «обретения» субъектами самих себя, связанная с оценкой своей уникальности, спецификой постановки целей и способов защиты своей неповторимости, т.е. о способе проявления своей Я-идентичности историческими субъектами.

Ключевые слова: исторический субъект, Я-идентичность, обретение идентичности.

Идентичность — качество, позволяющее отличить одного исторического субъекта от другого. Стремление к индивидуальности или, наоборот, к частичному или полному слиянию с другими субъектами практически всегда начинается с манифестации своей приобретенной или новообретенной идентичности. При этом необходимо заметить, что само объявление об идентичности с кем-то или чем-то не всегда точно соотносится с действительностью. Более подробно этот феномен будет рассмотрен ниже, сейчас отметим, что в дальнейшем идентичность будет пониматься как результат соотнесения себя (иногда вплоть до отождествления) с кем-то или с чем-то. В этом смысле она является одним из важнейших свойств исторических субъектов, ибо именно в идентичности любой из исторических субъектов, будь то нация, государство и т.п., обнаруживает себя. Это именно тот показатель (индикатор), по которому можно достаточно надежно судить о наличии исторического субъекта или по крайней мере о том, что имеется некий социальный феномен, притязающий на статус исторического субъекта. У исторического субъекта идентичность имеется изначально, т.е. с момента его возникновения, что, разумеется, не исключает ряда последующих идентификационных изменений исторического субъекта — вплоть до полного отрицания первоначальной идентичности. Однако идентификационная изначальность вовсе не означает идентификационную одинаковость даже на ранних этапах возникновения исторического субъекта. Это объясняется как сущностными социальными различиями возникающих исторических субъектов, так и социальным фоном, оказывающим на них воздействие. В силу различия форм проявления идентичности каждый исторический субъект приобретает индивидуальность и «осознает» свою исключительность в социальном мире.

Идентичность исторических субъектов имеет свою историю. В рамках статьи невозможно привести историю формирования идентичности даже такой сравнительно небольшой группы исторических субъектов, как государства — их всего-то за всю историю было несколько тысяч. Об исторических субъектах, которые можно исчислять десятками тысяч (организациях — начиная от жреческих и племен-

ных до нынешних транснациональных — количество которых не поддается точному подсчету), не стоит и упоминать. Поэтому, говоря об особенностях раннего этапа формирования идентичности, укажем на одно существенное отличие исторических субъектов прошлого от современных. У исторических субъектов, находившихся на раннем этапе формирования, идентичность выступала в виде практически неделимой совокупности качеств, каждое из которых с точки зрения позднейших обществ являлось отдельным идентификационным свойством. Особое внимание необходимо обратить не на совокупность качеств (идентичность современного исторического субъекта тоже представляет собой совокупность признаков), а на то, что в сознании людей прошлого эта совокупность была почти нерасчленима.

Возьмем, например, племя делаваров, известных нам прежде всего по романам Д.Ф. Купера. В начале XVI в. они жили на собственной территории (в настоящее время это северо-восток современных США), говорили на своем языке, верили в летающих на крыльях богов-громовников, которые охраняли их от Великого Рогатого Змея. Тем самым они отличались от других племен, например от ненавистных им ирокезов, у которых была другая территория, другой язык, другие боги и т.д. Поэтому, когда кого-то идентифицировали как делавара, становилось ясно, где обитает этот человек, как он говорит и во что он верит. Сами делавары полагали, что только такой набор качеств и отличает подлинных людей. Об этом можно судить хотя бы по самоназванию делаваров — «ленапе», означающему «настоящий человек». Со временем делаваров частично истребили, частично оттеснили на запад. Сейчас их потомки говорят преимущественно на английском языке, проживают в США и Канаде, придерживаются по большей части учения моравских братьев (1), хотя некоторые исповедуют пейотизм (2). Иными словами, «неделимая» идентичность делаваров, являвшаяся для них своеобразным зеркалом, отражавшим качества настоящего человека, вдруг разбилась вдребезги, превратившись в некий не всегда обязательный набор свойств.

Этот пример показывает, какие трудности стали испытывать делавары, неожиданно для себя встретившиеся с европейской цивилизацией. С подобной проблемой на протяжении последних пятисот лет в той или иной степени сталкивались исторические субъекты на всех континентах, включая и саму Европу, которая далеко не так едина, как это может показаться на первый взгляд. Особенно это относится к современной Западной Европе, которая усиленно ищет свою идентичность посредством различных деклараций и хартий. В дальнейшем XX в. будет восприниматься как время, когда стремление к поиску своей идентичности стало поистине массовым явлением. Настойчивость, с которой участники социальных отношений пытались и пытаются себя так или иначе идентифицировать, создает впечатление, что идентичность ищут все, кто имеет хоть какое-то основание претендовать на статус исторического субъекта (люди, народы, страны и т.д.). Такое положение дел, в свою очередь, наводит на мысль: а была ли она у них когда-нибудь? Если была, то куда подевалась? Если не было, то с какой стати ее искать? А если ищут и находят, а затем громогласно объявляют о своей идентичности че-

му-то или с чем-то, то что это за социальный феномен, кому и зачем нужна такая публичность?

Ответ, на наш взгляд, будет состоять в следующем. Социальная идентичность, заключающаяся в соотношении социальной группы или индивида с теми группами или индивидами, чей образ мыслей и жизни является образцом для подражания и последующего воспроизведения в общественной жизни, вовсе не является порождением последнего времени. Во все времена народы и отдельные социальные группы пытались с помощью преданий, исторических сочинений или различных норм определить и зафиксировать свою генетическую связь с определенным феноменом, т.е. всегда существовали определенные процедуры, с помощью которых можно было подтвердить или отвергнуть свои или чужие притязания на идентичность с кем-то или чем-то.

Методы, к которым прибегали в процессе установления идентичности, в настоящее время могут показаться необычными, но для своего времени они не выходили за пределы принятых научных и судебных практик. Например, в VII в. до н.э. фараон Псамметих решил, используя что-то вроде аналога гипотетико-дедуктивной теории, обосновать претензии египтян на право называться самым древним историческим субъектом. С этой целью был произведен эксперимент, не уступающий по остроумию фрейдовским играм в ассоциации. Сам эксперимент происходил следующим образом. С неким новорожденным младенцем (олицетворявшим, по мнению экспериментаторов, асоциальное человечество) никто не разговаривал до тех пор, пока он сам не стал произносить какие-то звуко сочетания. В ходе этого эксперимента было установлено, что первое сочетание слогов звучало «бекос». Поскольку в египетском языке слова с такой слоговой комбинацией не нашлось, обратились к другим языкам. И обнаружили, что на языке одного из индоевропейских народов, проживавшего тогда в Малой Азии (фригийцев), оно обозначало «хлеб» [4. С. 2]. В результате этого «дедуктивного следствия», которое, впрочем, вполне соответствовало уровню тогдашней науки, было сделано заключение, что историческим субъектом, который с полным правом мог себя идентифицировать в качестве древнейшего, были фригийцы.

Приведем еще один пример. Он любопытен тем, что является свидетельством установления идентичности в ходе судебной процедуры. Поскольку речь пойдет о попытке доказательства эллинского происхождения, скажем несколько слов о природе названия. Первоначально эллинами (Ελληνες) называлось одно из племен в Фессалии. Согласно «Илиаде», его представители принимали участие в Троянской войне (XII в. до н.э.), причем эллинами Гомер называет только дружинников Ахиллеса, именуя остальных ахейцами, данайцами, аргивянами и т.д. По меткому замечанию Фукидида, отсутствие в поэмах термина «варвар» является свидетельством того, что «эллины тогда еще не отделились от них и не объединились под одним именем» [14. С. 3]. К VII в. до н.э. понятие «эллин» распространяется на все племена греческого корня (3). При этом критерием эллинства был не столько язык и религия, сколько происхождение. Геродот пишет о том, что один из македонских царей пожелал принять участие в Олимпийских играх, но другие

участники потребовали не допускать его к состязаниям на том основании, что он — македонец и, следовательно, варвар (тогда в Олимпиадах не могли принимать участие негреки, поскольку игры имели культовое значение (4)). Царь обратился в суд и доказал свою принадлежность к эллинам [4. С. 5, 22]. Если попытаться оттолкнуться от Олимпиад как от показателя эллинства, то этот этнический феномен возник не позже 884 или же 828 г. до н.э., когда по разным версиям зародились первые Олимпийские игры. Они стали идентификационной характеристикой эллинства и в метрологическом отношении, так как в дальнейшем (с 776 г. до н.э.) четырехлетний олимпийский цикл был положен в основу общегреческого летоисчисления.

Таким образом, в результате интеграционных процессов, имевших как внутренние (общность происхождения, языка, религии, культуры, обычаев), так и внешние (противостояние другим народам) причины, на юге Балкан из племен и отдельных государств возникает коллективный исторический субъект — греческий народ (эллины). Определяя этот исторический субъект в качестве коллективного, обратим внимание на следующее. В отличие от телеологических конструктов, коллективный субъект вполне эмпиричен. Разумеется, его возникновение может иметь причинную обусловленность, связанную с миром ноуменов, в рассматриваемом случае — с конструктом эллинства, который представляет собой нечто сверхиндивидуальное и в этом смысле сверхэмпиричное, внепространственное и потому вневременное [10. С. 282—283] (в силу того, что он существовал и существует в разных пространствах и разных временах). Хотя каждый из тех индивидов, что составляют этнический коллективный субъект и идентифицируют себя посредством соотнесения своего Я с коллективным Я, все равно остается в пределах конкретного исторического пространства. Из этого следует, что коллективный субъект нельзя трактовать ни как трансцендентальный субъект (поскольку он относится к социальному миру), ни как трансцендентный (в силу того, что он представляет собой феномен, а не ноумен). Следует также отличать коллективное Я от абсолютного Я (5). В нашем случае это означает, что этническая идентичность, предполагающая коллективное соотнесение себя с неким ноуменом (пусть это будет эллинство), еще не означает превращение коллектива в нечто единое в его предельном (абсолютном) значении.

В силу этого всегда могли найтись отдельные субъекты, которые в судебном порядке или иным путем могли пытаться изменить свою идентичность и связанный с ней социальный статус. Способы, к которым они прибегали, были весьма разнообразны. К науке для выяснения идентификационных особенностей обращались сравнительно редко (6), зато было много псевдонаучных, ангажированных — прежде всего политически — произведений. Упомянем хотя бы Вергилия, который в I в. в своей «Энеиде» пытался обосновать троянскую идентичность основателей Рима [18]. Но самые курьезные случаи относятся к XIX в. Д. Макферсон пытался задним числом доказать превосходство кельтов, с которыми он идентифицировал современных шотландцев, над подчинившими их англо-саксами [11]; В. Ганка смастерил «Краледворскую летопись», чтобы ободрить своих чешских соплемен-

ников «доказательством» того, что их далекие предки были не менее культурным народом, чем господствовавшие над ними немцы [9]; П. Мериме вводил всех в заблуждение из чистого озорства (7).

В то же время сами попытки фальсификации могут служить доказательством высокой ценности принадлежности к определенному роду, этносу, сословию, государству и важности «правильно» их идентифицировать. В пользу этого говорит такое весьма распространенное во Франции XVII в. явление, как покупка дворянской идентичности разбогатевшими буржуа. Покупка идентичности — весьма сомнительное с прежних точек зрения действие, ибо ранее, например, в рамках феодальной этики придерживались убеждения, что новая идентичность могла быть пожалована лишь на основании определенных заслуг. Но, как бы к этому ни относиться, процессы покупки должностей получили широкое распространение во Франции XVII—XVIII вв., что привело к стимуляции совершенно новых тенденций в социальном развитии Франции, а затем и всей Западной Европы. В результате этих процессов общество стратифицировалось по-новому. Во Франции этот феномен нашел свое первое проявление в так называемой Фронде (1648—1653), когда судейские и стряпчие, добившись посредством денег не только своих должностей, но нередко и парламентских мест и даже дворянства, привели социальную систему в состояние общественной смуты. Природа этой смуты заключалась в идентификационном конфликте. Лишь через полтора года в результате Великой революции идентичность исторических субъектов Франции будет приведена в должное соответствие.

В это время схожие процессы развивались и по другую сторону Ла-Манша, что привело к глубочайшим потрясениям в Англии. Там пришли к власти те представители дворянства, которые вошли в состав этого класса в связи с успешной деятельностью в области хозяйства и торговли. Следствием (как отдаленным, так и непосредственным) в обеих странах, бывших по своей сути порождением одного и того же социального процесса, явилась новая и никак не ожидаемая республиканская идентичность, причем идентификационные перемены произошли в тех государствах, где до этих процессов целесообразность монархии не подвергалась сколько-нибудь серьезным сомнениям. Если интерпретировать социальные изменения, произошедшие в Англии и Франции XVII—XVIII вв., используя в качестве меры критерий идентификационного соответствия, то можно прийти к следующему заключению. Конечно, с одной стороны, идентичность представляет собой индикатор социальных процессов; с другой стороны, идентификационный конфликт (вызванный в рассмотренных нами случаях столкновением интересов старого и нового дворянства, а также притязаниями других сословий на улучшение своего социального положения) может породить социальный взрыв или, во всяком случае, выступить в качестве катализатора других общественных противоречий.

Такой может оказаться социальная цена классовых фальсификаций. Революционный взрыв в данных случаях может быть объяснен как следствие нарушения «классовой чистоты», точнее чистоты классовых взаимоотношений. До массовых переходов из одного состояния в другое, приводящих к маргинализации значи-

тельной части социально активного населения, обе страны развивались вполне эволюционно. Схожие примеры можно обнаружить и в более ранние времена, например, Римское государство времен империи, когда в практику вошло как не вполне законное с точки зрения прежней республиканской чистоты нравов проникновение выходцев из среды вольноотпущенников и плебеев в сенат или не менее сомнительное с точки зрения идентификационного соответствия прикрепление к земле и профессии ранее свободных римских граждан. Результат подобной неразберихи известен: произошло реформирование прежних социальных отношений, что вызвало крах той части Римского государства, где эти процессы нашли наиболее яркое проявление. Именно это, а вовсе не гуннское нашествие и вторжение германцев является, на наш взгляд, подлинной причиной падения западной части империи.

Рассмотрим теперь другие аспекты идентификационной эволюции исторических субъектов. Выше упоминались последствия практики покупки «благородства» за деньги. Перейдем к описанию приобретения «вольной» идентичности. В эпоху раннего Средневековья это могли делать и частные лица, и общины, и даже целые города, причем нередко благодаря такому приобретению (за деньги или услуги) возникали новые исторические субъекты, многие из которых существуют и поныне. Возьмем в качестве примера средневековые немецкие города. Они весьма высоко ценили звание «вольного города», который им даровался императором за особые услуги, и «ганзейского города», указывавшего на их принадлежность к северогерманскому союзу городов, имевшего отделения по всей Северной и отчасти Центральной Европе (8). Заметим, кстати, что таким названием жители этих городов гордятся до сих пор, включают их в официальное городское наименование (9) и, таким образом, идентифицируют себя, по крайней мере, двояко. С одной стороны, жители Любека или Бремена, используя в названии ганзейскую титулатуру, указывают на торговый и промышленный характер своих городов, с другой стороны (что важнее), притязают на определенную независимость от немецкого правительства, напоминая ему своим названием, что некогда они вели вполне самостоятельную («вольную») внешнюю политику и были полноценными историческими субъектами. Таким образом, современные жители этих городов через самоназвание выказывают претензию на преемственность со своими предшественниками или, говоря иначе, идентифицируют себя с ними. Однако Любек входит в Голштинию (федеральную землю Шлезвиг-Гольштейн), в то время как Гамбург и Бремен (наряду с Берлином) являются самостоятельными политическими единицами Германии — землями. В этом смысле Гамбург и Бремен имеют значительно больше оснований считать себя действующими лицами исторического процесса (историческими субъектами). Они, например, могут непосредственно отстаивать свои позиции через собственных представителей в Союзном совете (Bundesrat), в отличие от Любека, который, будучи одним из городов Шлезвиг-Гольштейна, таким правом не обладает (10). Это говорит о том, что титулатура славного прошлого не дает гарантий, что то или иное социальное образование будет сохранять прежний статус исторического субъекта бесконечно долго.

Различные субъекты борются за изменение своего идентификационного статуса, а добившись, держатся за него столько, сколько возможно. Это показывает, что проблема собственной идентичности является одной из самых важных для исторических субъектов. При этом между самоидентификацией и иноидентификацией подчас существуют серьезные расхождения, иногда настолько существенные, что приводят к явлению, которое мы тоже назовем конфликтом идентификаций.

Противоречия такого рода возникают и на государственном уровне. Руководство современной Турции в течение ряда последних десятилетий пытается позиционировать свою страну как субъект исторического развития Европы [19]. Однако представители Западной Европы подвергают эту позицию сильному сомнению, не желая признавать турецкие претензии на «европейство» [12]. Аргументируя свой отказ принять Турцию в состав Евросоюза, западные европейцы указывают на невыполнение турками то одних, то других критериев «европеизма». Однако, как представляется, дело заключается скорее в том, что, опираясь на исторический опыт отношений с турками, западные европейцы отказываются признавать их равными себе. Воспринимая мир с точки зрения западнохристианской цивилизации, западные европейцы по-прежнему видят в турках прежде всего представителей «тюркской» и мусульманской культуры, генетически не совпадающей с «германской» и христианской [3]. И это неудивительно, ибо, оценивая Турцию как исторический субъект, западные европейцы опираются, с одной стороны, на свою историческую науку, с другой стороны, на свои телеологические представления о направлении развития современного общества. Из учебников истории жители Западной Европы (в особенности той ее части, которую иногда именуют Центральной или Средней) знают о том, что одно время Средиземное море было почти полностью подконтрольно Османской империи, о вековой оккупации турками Балкан, Венгрии и попытках взять Вену, которая была в то время столицей Священной Римской империи. А представления западноевропейцев о турках в рамках текущего исторического процесса связаны с наличием в Германии слабоассимилирующейся трехмиллионной турецкой общины, которая внедряет в европейскую почву элементы исламской культуры, причем подчас нарушая законы страны и вызывая подозрения в пристрастии или, по крайней мере, в сочувствии к практике терроризма [16. Р. 5], и пытается создать свою фракцию в бундестаге.

Таким образом, во-первых, существует противоречие между курсом турецкого правительства на модернизацию и готовностью населения Турции полностью ему следовать. Модернизация в Турции, начиная с Ататюрка, подразумевала прежде всего европеизацию; европеизированные турки, а тем более европеизированные турки, сознательно избравшие Западную Европу своей родиной, вряд ли бы стали так упорно отстаивать свою этноконфессиональную идентичность. Во-вторых (что является естественным следствием первого), есть противоречие между западными европейцами и турками по поводу «европеизма» последних. Из этого следует, что чрезвычайно важная для турецкого общества европейская идентификация, невзирая на все усилия, предпринимаемые в течение последних десятилетий воспитанной Ататюрком элитой, по-прежнему остается проблемой на всех

уровнях: личном, этническом, конфессиональном и даже, как это ни странно, на государственном. Об этом свидетельствует наличие в уголовном кодексе Турции 301-й статьи, согласно которой в тюрьму сажают людей за «оскорбление турецкой идентичности» [5]. Об этом говорит и кельнский призыв турецкого премьера к немецким туркам (10 февраля 2008 г.) не ассимилироваться и всеми силами сохранять свою идентичность (что дало основание кельнскому бургомистру Ф. Шрамме для подозрений в попытке создания в немецком государстве «параллельного общества») [8]. Подобные факты позволяют лучше понять причины провала на западноевропейской почве концепции евроислама (гибрида исламских верований и европейских ценностей). В результате некоторые исследователи сделали вывод о практической невозможности одновременно сочетать в себе европейскую и исламскую идентичности [2].

В основе турецко-западноевропейских противоречий лежит конфессиональный критерий. Косвенным свидетельством этого является то, что при обсуждении проекта европейской конституции четыре страны (Испания, Италия, Португалия и Польша) выступили с требованием внесения в этот документ упоминания об особой роли христианства [1]. Поэтому, хотя многие элементы западноевропейского хозяйственного уклада турки переняли не хуже (а в некоторых отношениях даже лучше), чем некоторые балканские страны, которые вошли в Евросоюз, в Европе Турцию не особенно ждут. Подобное отношение к Турции связано с тем, что, как высказался один из крупных чиновников ЕС, она является мусульманской страной (11). Таким образом, попытки Турции идентифицировать себя в качестве субъекта европейской истории (заметим, что географически Турция присутствует в Европе более 500 лет) наталкиваются на коллективный отпор ряда западноевропейских стран. Это происходит потому, что западные европейцы в качестве меры соответствия «европейству» для претендующего на него исторического субъекта выдвигают два критерия. Во-первых, это культура, основанная на греко-римских и христианских ценностях. Во-вторых, это социальная практика, основанная на принципиальном отказе общества от значительного влияния религиозных норм. Что касается первого критерия, то Турция ему определенно не соответствует. Относительно второго могут существовать разные мнения. С одной стороны, Турция — светское государство, хотя и нельзя сказать, что большинство населения полностью отвергло ту часть исламских догматов, которые непосредственно затрагивают государственные интересы. Но, с другой стороны, у европейцев и прежде всего у немцев, в страну которых турки массово переселяются, может возникнуть вопрос: почему турки, переселяясь в Германию и не желая ни под каким видом возвращаться назад, стремятся на своей новой родине к этноконфессиональной консолидации? Если им так приглянулся Запад в целом и Германия в частности, почему они не пытаются принять западноевропейские ценности, а, напротив, стремятся устроить на западноевропейской земле то, от чего они убежали? Иначе говоря, стремящиеся к объединению жители Западной Европы видят в турецкой миграции дезинтегрирующий фактор, что сказывается и на идентификационной репутации самой Турции.

Попытаемся рассмотреть проблему с несколько иной стороны. С турками более или менее ясно: по мнению многих европейцев, они предпочитают даже в Центральной Европе воспроизводить социальные и конфессиональные ценности своей родины и тем самым подвергают сомнению притязания Турции на европеизм. Иначе говоря, мы имеем здесь дело с нормативными и ценностными различиями двух исторических субъектов. Но можно ли считать, что отсутствие этих отличий или их сравнительная незначительность является гарантией целостного существования исторического субъекта? И бывает ли так, что субъект, обладавший социальным, этническим и конфессиональным единством, по крайней мере относительно, разделялся на два отдельных исторических субъекта? Возьмем в качестве примера Колумбию и Панаму. С 1830 г., т.е. с образования независимой Колумбии (12) ее составной частью была Панама. Однако хотя в Колумбии не было, как казалось на первый взгляд, особых поводов для противоречий (этнических, конфессиональных, социальных), панамцы время от времени восставали (13), желая создать свое собственное государство. Из этого следует, что, несмотря на кажимость, противоречия все же были. В 1903 г. восстание панамцев удалось. Правда, его успех обеспечило руководство США, которым был нужен договор на постройку в этом месте канала, соединяющего два океана (в чем колумбийцы им отказывали), но, тем не менее, государство возникло и ни у кого или во всяком случае почти ни у кого нет в настоящее время сомнений относительно идентификации Панамы как самостоятельного исторического субъекта.

Таким образом, идентичность является одним из важнейших атрибутов исторического субъекта (государства, города, класса, сословия, партии и т.д.) и в силу этого потребность в идентичности представляет собой один из интереснейших социальных феноменов. Каждый субъект в меру своих сил пытается достичь идентификационного соответствия, т.е. признания своих идентификационных притязаний. При таком совпадении идентичность является маркером, обозначающим место субъекта в среде других субъектов. В случае несовпадения она превращается в одну из целей социальных притязаний субъекта и в этом качестве может служить катализатором ранее скрытых общественных процессов. Идентификационные несоответствия чреваты социальными (а подчас и международными) конфликтами. Способы достижения идентификационных притязаний весьма различны (появление, выделение, отделение и т.д.); равно как весьма различны и пути достижения (покупка, заслуги, конфликт, военные действия и т.п.). Возникновение новых идентичностей в среде исторических субъектов может приводить к переформатированию прежней социальной среды.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Протестантская секта, возникшая в XVI в и генетически связанная с учением Яна Гуса. Одним из епископов моравских братьев был Ян Амос Коменский. В России моравские братья (гернгутеры) основали колонию Сарепта (близ Царицына).
- (2) Религия, основанная на соединении индейских и христианских верований.
- (3) Впервые в значении общего для всех греков названия зафиксировано у поэта Архилоха.
- (4) Согласно одному из преданий, первые общегреческие игры в честь олимпийских богов организовал по совету дельфийского оракула царь Элиды Ифит. Во время игр объявлялось священное перемирие (*ἐκεχειρία*), нарушитель которого считался святотатцем.

- (5) Мы имеем в виду шеллинговскую критику Фихте, смешивавшем две эти формы субъектности (*Schelling F.W.J. Zur Geschichte der neueren Philosophie. — Leipzig, 1966. — S. 112—113.*)
- (6) Кроме уже цитированного нами Геродота особо выделим Ксенофонта («Анабасис») и Цезаря («Записки о галльской войне»).
- (7) На фальсификацию П. Мериме попался и А.С. Пушкин, принявший его песни западных славян за подлинные и переведший их на русский язык.
- (8) Союз назывался «Hansa», что на готском языке означало толпу, а в дальнейшем стало интерпретироваться как совокупность и союз.
- (9) «Вольный ганзейский город Бремен», «Вольный ганзейский город Гамбург».
- (10) Отметим, что ранее, например в XIX веке, Любек, как член Германской империи был представлен как в Союзном совете, так и имел своего депутата в рейхстаге.
- (11) По словам комиссара ЕС Ф. Болькенштайна, «Европейский Союз будет «взорван» и перестанет существовать в своем нынешнем виде, если 70 миллионов турецких мусульман получат право стать его частью».
- (12) В 1830—1863 гг. Колумбия именовалась Новой Гранадой.
- (13) В 1840—1841 гг. панамцы пытались провозгласить независимую от Колумбии «Республику Перешейка», последующие восстания относятся к 1885, 1895, 1899, 1900, 1901 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бенси Д.* Конституция ЕС осталась «безбожной» // Независимая газета. — № 123. — 23 июня 2003 г.
- [2] *Бозулавская Ю.* «Другие» европейцы // <http://www.rosbalt.ru/2005/12/18/238389.html>
- [3] Вопрос вступления Турции в Евросоюз в зеркале социологических опросов // <http://www.regnum.ru/news/375024.html>
- [4] *Геродот.* История.
- [5] Европейский суд по правам человека принял к рассмотрению иск Гранта Динка // <http://www.regnum.ru/news/772965.html>
- [6] Евросоюз может приостановить процесс переговоров с Турцией в случае осуждения писателя за правду о геноциде армян // http://www.arminfo.am/news_ru_160106_10.shtml
- [7] *Живов В.* Чего не может фальсификатор // Отечественные записки. — 2004. — № 4.
- [8] *Имаев А.* Визит турецкого премьера в Кельн воспринят неоднозначно // <http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,3121719,00.html>
- [9] Краледворская рукопись. Собрание древних чешских эпических и лирических песен. — М., 1846.
- [10] *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. — М., 1980.
- [11] *Макферсон Д.* Поэмы Оссиана — Л., 1983.
- [12] *Монбриаль де Т.* Турецкий вопрос // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 4. — Июль-август // <http://www.globalaffairs.ru/numbers/9/2918.html>
- [13] Найдется ли в Европейской конституции место христианству // Русский предприниматель. — 2004. — № 19.
- [14] *Фукидид.* История.
- [15] *Güngör B.* Kommentar: Gefährliches Spiel Erdogans // <http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,3119932,00.html>
- [16] *Küpper M.* Der Verfassungsschutz ist keine Gedankenpolizei // Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 19.07.2005. — № 165.
- [17] *Schelling F.W.J.* Zur Geschichte der neueren Philosophie — Leipzig. 1966.
- [18] *Vergil.* Eneid.
- [19] *Wallerstein I.* Turkey in Europe? // Fernand Braudel Center, Binghamton University. Comment № 139. — June 15. — 2004 // <http://fbc.binghamton.edu/commentr.htm>

THE IDENTITY OF HISTORICAL SUBJECT VIEWED AS A SOCIAL PHENOMENON

A.V. Shabaga

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklai str., 10/1, Moscow, Russia, 117198

The article examines the issues of historical subject's social status in terms of his identity. In this context the topic of subjects' «acquisition» of their identity associated with the appreciation of their unique character, the specific character of their objectives identification and their individuality perpetuation, i.e. means of historical subjects' identity expression is touched upon.

Key words: historical subject, identification, identity.